

Тихо лежа на столике, сервированном для легкого романтического ужина, мобильник был похож на небольшую шоколадную плитку. Будь это мой телефон, я бы от греха подальше зарыла его в недра сумки, но аппарат принадлежал Никите, а у нас не те отношения, чтобы я диктовала ему, что делать.

Пока не те.

Вот сейчас мы романтически поужинаем тет-а-тет, и тогда, может быть...

Телефон на столе ожил и прерывисто загудел — не тревожно, скорее забавно: такие звуки мог бы издавать икающий шмель.

Вибрируя, аппарат пополз по стеклянной столешнице, уперся в бокал, и тот отозвался дребезжанием. Я подхватила бокал, а Никита свой телефон, и мы одновременно подняли руки — я поднесла бокал ко рту, он — мобильник к уху.

— Салют! — с улыбкой произнесла я, оценив безупречную синхронность движения.

— Привет, — сказал Никита — не мне, а собеседнику в трубке. — Что? Когда, как?

Он повернулся ко мне спиной и отошел к окну. Слушая пространный ответ, прошелся вдоль стены из угла в угол, потом отдернул занавеску, толкнул балконную дверь и вышел из комнаты. Теперь я не слышала даже обрывков телефонного разговора... Но уже по тому, как резко Никита обнажил окно, которое сам же старательно зашторил минуту назад, поняла, что наш романтический ужин закончился, едва начавшись.

Какая досада! Всего пара недель как наши отношения совершили очередной эволюционный скачок. Где-то с год назад прокурор Никита Говоров из коллеги по работе превратился в моего поклонника, поначалу не слишком активного, так что я даже думала, что мы останемся просто друзьями. Но потом Никита наконец перешел в решительное наступление и буквально взял штурмом мой дом, почти самостоятельно — наша с Сашкой бестолковая помощь не в счет — сделал в нем ремонт.

Это была серьезная заявка на совместное проживание, но пока не на брак. Однако я определенно чувствовала, что мне вот-вот предложат примерить колечко, и даже ждала этого момен-

та. Хотя и побаивалась его, потому что слишком хорошо знаю статистику разводов. Мне ли ее не знать, я же судья...

Что-то пластмассово хрустнуло, и Говоров громко выругался, пинком отбрасывая занавеску, на слишком длинный край которой сам же и наступил.

Я поставила бокал.

— Что-то случилось?

— Да. — Никита опять выругался, но уже совсем беззлобно и беспомощно посмотрел на меня. — Прости...

Та-а-ак... Похоже, с мечтами о колечке я поспешила...

— Работа? — старательно скрыв сожаление, понятливо предположила я.

Это у меня как у судьи все процессы по расписанию, другие люди, бывает, занимаются служебными делами и в неурочные часы.

Но это был не тот случай.

— Не работа. Личное. — Никита вздохнул и прежде, чем я нахмурилась, объяснил: — Умер мой дед в Туапсе.

— О... Соболезную...

— Спасибо, хотя я его почти не знал, мы и виделись-то последний раз лет тридцать назад, я еще пацаном был, потом родители развелись, я остался с мамой, а старики по папиной линии мою матушку сильно не любили и пред-

почли позабыть и ее, и меня. — Обычно невозмутимого Говорова как прорвало, и я поняла, что он на самом деле взволнован. — Так и жили они вдвоем, и вот теперь дед умер, бабка совсем плоха, а я их единственный близкий родственник, и, стало быть, мне старика и хоронить...

— А кто звонил-то?

— Соседка, мы с ней в контакте были, я ей деньги посылал, чтобы старикам помогала, дед сам не взял бы, он упертый был, старый хрыч, а бабка всегда за ним, как на веревочке...

— Сядь, — я притянула его на диван и сунула в руки полный бокал. — Выпей и успокойся. Там аэропорт-то есть, в этом Туапсе?

— Нет, ближайший в Сочи... Ну, в смысле в Адлере.

— Сочи так Сочи, Адлер — еще лучше, туда летом рейсов полно, сейчас мы быстро найдем тебе билет.

С перелетом действительно сложностей не возникло, билеты были, и Никита даже успевал на ближайший ночной рейс. Наш романтический ужин со всеми возможными приятными последствиями, конечно, накрылся медным тазом, но в сложившейся ситуации было не до светлой лирики.

— Оставайся, — уже стоя в прихожей с наскоро собранной сумкой в руках, сказал мне Говоров, вновь на неопределенный срок задержав-

шийся в статусе друга. — Куда ты среди ночи? Поспишь спокойно, утром уйдешь, захлопнешь дверь...

— Нет, я уже вызвала такси.

Мне не хотелось оставаться одной в его квартире. Как уже говорилось, не те у нас отношения.

Станут ли они вообще когда-нибудь «теми»?!

Мы вместе спустились во двор, под равнодушными взглядами двух ко всему привычных таксистов неловко распрощались, разошлись по машинам и разъехались. Никита отправился в аэропорт, а я домой.

По дороге я размышляла, что скажу своей пятнадцатилетней дочери, и это было отчасти смешно, потому что вчера я терзалась ровно теми же мыслями. Только тогда я не знала, как сказать Сашке, что не вернусь домой до утра, а теперь — как объяснить свое досрочное возвращение в глухой ночной час.

Пятнадцатилетние дочери, чтоб вы знали, это очень непростая аудитория. Мне вот бывает проще полдюжины приговоров вынести и озвучить их в переполненном зале суда, чем сделать какое-либо программное заявление Сашке. Особенно если речь идет о моей личной жизни.

В принципе дочь не возражает против того, чтобы ее старушка-мать с кем-то встречалась, что бы ни стояло за этим словом, а Никита Го-

воров ей даже нравится. Но я никогда никого не приводила к себе и сама не уходила из дома на всю ночь, так что сегодня, можно сказать, была премьера. И то, что она позорно провалилась, по-моему, компрометировало меня как женщину. А мне ведь хочется, чтобы подрастающая дочь ценила материнские советы! А с чего бы ей их ценить, если женский опыт матери вызывает сомнения? Советы Сашка и сама раздает целыми пачками — она у нас с недавних пор популярный блогер с сотней тысяч подписчиков...

Так ничего и не придумав, я высадилась из такси у подъезда и посмотрела на свои окна. Света в них не было, так что можно было надеяться, что Сашка спит, как и обещала.

В том, что после моего ухода дочь осталась дома, а не улизнула прочь в ночь с радостным криком «Свобода!» и с сердечным другом Фомой, я была почти уверена. Специально — для проверки — несколько раз звонила на домашний телефон и из театра, с похода в который начался наш с Говоровым романтический вечер, и из Никитиной квартиры, где он бесславно закончился. «Почти уверена» — потому что от прогрессивной девицы-блогера вполне можно было ожидать и хитрых ходов. К примеру, Сашка могла сейчас спать дома не одна, а с тем самым Фомой...

Сожалея, что эта мысль посетила меня слишком поздно, я подобрала подол парадного длинного платья и заторопилась вверх по лестнице.

Остановившись на придверном коврикe, я приложила ухо к двери и прислушалась.

В квартире было тихо.

Я осторожно, чтобы не звякнули, достала из сумки ключи, бесшумно открыла замки, толкнула дверь и... замерла на пороге.

В первый момент мне подумалось, что я не туда попала.

Прежде наш коридор никогда не походил на взлетно-посадочную полосу ночного аэродрома!

В следующую секунду порыв ветра из открытой двери задул огни свечей-таблеток, и из Сашкиной комнаты, расположенной прямо по курсу, донесся не то вздох, не то стон. Что примечательно, стонали-вздыхали на два голоса!

Вмиг уверившись, что мои самые худшие предположения оправдались, я вскинула руку, чтобы решительно хлопнуть ладонью по выключателю и... снова замерла. Материнский гнев во мне боролся с женской солидарностью. Самой-то мне какво было бы, если бы кто-то вломился к нам с Никитой в разгар интимных процессов? Да еще и запалил полную иллюминацию!

Еще через секунду этот вопрос потерял актуальность, потому что одновременно случились две вещи: в Сашкиной комнате все же вспыхнул свет, и в меня прилетела... большая пышная подушка. Я встретила ее грудью и, как заправский голкипер, приняла в свои объятия. Потом подняла глаза и увидела пару насмерть перепуганных девчонок. Одной из них была моя Сашка, второй — ее школьная подруга Настя.

— Здравсьте, тетя Лена, — пробормотала она и испуганно моргнула, как сова.

— Здравсьте, — сговорчиво согласилась я, подбирая подушку. — Что тут происходит?

— Всего лишь маленькая пижамная вечеринка, а чё такого? — отмирая и сразу же начинающая наглеть, ответила моя Сашка.

Звонко шлепая голыми пятками, она подошла ко мне, вырвала из моих объятий перелетную подушку, вернулась в свою комнату и закрыла за собой дверь.

— А свечи зачем? — поинтересовалась я вдогонку.

Дверь приоткрылась, выглянувшая из нее Настя скороговоркой объяснила:

— А это мы женихов вызывали.

— В смысле? — снова заволновалась я. — Каких еще женихов? Мальчиков по вызову, что ли?!

Шокированная Настя из приоткрытой двери выпала, зато кукушечкой выглянула Сашка, высокомерно объявившая:

— Вот только не надо думать о других в меру собственной испорченности!

— Не хаами, — сдержанно попросила я.

— Я не хамлю, я информирую: мы проверяли, работает ли заговор. — Сашка сделала постное лицо и без эмоций протарахтела: — «Суженый мой, ряженный, приди ко мне наряженный!» Мы, конечно, во все такое не верим и ничего такого особенного не ждали...

— Ну да-а-а, — протянула я, начиная хихикать.

— А тут вдруг дверь сама собой открывается, — хмуро продолжила Сашка, явно чувствуя себя идиоткой. — И на пороге ты! А нам-то не видно, что это ты, — в коридоре темно, а у тебя за спиной на площадке лампочка светит! Стоит тут такое нечто! Все черное! Мы чуть не умерли с перепугу!

Я в голос захохотала, осознав, какой раздрай внесла своим появлением в девичьи души. Суженого, наряженного в вечернее платье в пол, они точно не ждали! В наших краях мужики одеваются более традиционно, чай, у нас тут не «Евровидение» какое-нибудь.

— А ты чего это так рано вернулась? Что, тоже с суженым не сложилось? — Ехидной

репликой непочтительная дочь оборвала мое нервное веселье.

— А вот это тебя совершенно не касается, — сказала я строго. — Ложитесь спать уже, наивные селянки. Завтра рабочий день.

— Это у тебя он рабочий, у нас каникулы! — напомнила Сашка, но дверь в свою комнату закрыла и больше старушку-мать не тревожила.

В наступившей темноте я машинально направилась в ванную, наступила на свечку-таблетку, изгвадала горячим воском линолеум и чулок, тихо выругалась и подумала, что совсем не так мне хотелось бы использовать ароматические свечи...

Эх, где-то сейчас мой Говоров?

Никите повезло — ему досталось место у прохода. А сидел бы посередине — добрых два часа полета ощущал бы чувство локтя. Даже двух локтей — и в одном боку, и в другом.

Соседями Никиты оказались молодые столичные франты с ухоженными бородами и модными стрижками. Узкие штаны и рубашечки по фигуре не делали парней миниатюрными — оба были довольно рослыми и, уснув, раскинулись в креслах угловатыми растопырочками.

Говоров вообще-то любил летать ночными рейсами. Пассажиров на них обычно было

меньше, и они не так активно себя проявляли, поскольку в большинстве своем мирно спали от взлета до посадки. Сочетание рокота двигателей за бортом и хорового храпа в салоне Никита находил гармоничным, однако на этот раз оно не действовало на него умиротворяюще. Он досадовал из-за вынужденной необходимости заниматься похоронами и мучился стыдом и виной из-за того, как нелепо и безрадостно закончился вечер, который мог стать очень важным для них с Леной.

Уснуть не получалось, а никаким развлечением в дороге Никита в спешке, разумеется, не запасся. Пришлось взять у бортпроводницы вчерашнюю газету. Читать в ней было особо нечего — половина статей представляла собой более или менее развернутый пересказ новостей из Интернета, и зацепил Никиту только созвучный его настроению и ситуации заголовок «Объявились наследники великого Гуреева».

Про великого Гуреева Говоров, конечно, слышал, но подробностей его жизни не знал, а обстоятельств смерти и не хотел бы знать, но вот пришлось. Автор газетной статьи излагал пикантные факты весьма дотошно, смакуя и обсасывая детали, как мелкие куриные косточки. Читать это было немного противно, но все же интересно. Статью отличал хороший слог, мож-

но было только пожалеть о том, что автор не нашел себя в художественной литературе. У него хорошо получались бы душещипательные романы.

Роберт Гуреев родился на заснеженном полустанке в глухой степи, а умер в одной из богатейших стран Европы, будучи уже миллионером и любимцем публики, на симпатии которой, как и на мнения критиков, он по большому счету всегда плевал. Гуреев был гением, которого талант и судьба вознесли высоко над толпой, а потому жил, творил и даже умер без оглядки на то, кто что о нем скажет, напишет или подумает.

Смерть настигла его в роскошном отеле при дорогом казино, в беломраморной ванне на золоченых львиных лапах, в клубах ароматного дыма от курильниц с благовониями и в обществе молодого красавца-возлюбленного, который и не заметил, как остался один, потому что в этот момент был под кайфом.

Сам Гуреев ничего такого не употреблял, потому что высоко ценил свою фантастическую работоспособность и берег здоровье. Не уберег: внезапно сдало сердце. Впрочем, как внезапно? Когда тебе «далеко за», а ты еще профессионально танцуешь и в промежутках между выступлениями с размахом кутишь...

Рано или поздно даже в самой фантастической карьере и бурной жизни ставится точка.

Однако в случае с великими символические точки часто превращаются в многоточия. С Гуреевым так и вышло: сразу после его смерти история продолжилась — наследники вступили в схватку за немалое состояние артиста.

Наследники они на самом деле или не наследники, предстояло решать суду. Мировая общественность с большим интересом ждала начала процесса. Газетчики, как обычно, опережали события и высказывали свои версии их дальнейшего развития.

Но про борьбу за наследство Говорову не хотелось ни читать, ни думать.

В дедовом наследстве он не нуждался.

Ни в наследстве, ни в самом деде, да.

К тому же бабка была еще жива, и Никита от души желал ей оставаться на этом свете подольше. Семьдесят лет — это по нынешним временам не великий возраст, вон Гуреев еще романы крутил, да и простые иностранные бабульки в такие годы открывают третью молодость: шестьдесят пять — баба ягодка опять и снова.

Газета все-таки пригодилась: измотанный переживаниями Говоров накрыл ею лицо, как будто спрятался в домике, и наконец уснул.

Старой бабкой — вот кем я себя чувствовала утром.

Не бодрой евробабушкой, а нашей отечественной пенсионеркой со стажем, всю жизнь пахавшей в две смены и в борьбе за победу сначала социалистического, а потом и капиталистического труда напрочь угробившей здоровье.

Я не выпалась, у меня раскалывалась голова, болела спина и ныли все кости. За недосып надо было «благодарить» себя — отвык мой организм от режима «романтический вечер с переходом в бурную ночь», за головную боль — Говорова, поившего меня сначала кофе с коньяком, а потом шампанским, за прочее — небесную канцелярию, явно готовящую перемену погоды. Ну и отдельно — дочурку с подружкой за прицельное метание подушками в женихов.

Мучительно шурясь, я заглянула в мобильный — там не было ничего от Никиты, зато имелся свежий метеопрогноз. И точно, синоптики уверенно пророчили грозу и уже зафиксировали какие-то жутко вредные вспышки на Солнце. Значит, сегодня я буду вялой и непрезентабельной, как растоптанный валенок. Ну, это обычное состояние наших судей. Никто не заметит.

Вот ведь странное дело, по молодости лет никакой метеозависимости я у себя не замечала, на меня больше общественное мнение вли-

яло, чем природные и погодные явления, а по прошествии лет все стало в точности наоборот...

— О, вижу, кто-то вчера хорошо погулял, — дерзко заметила Сашка, оценив гримасу, с которой я выпила свою первую утреннюю чашку кофе — против обыкновения, несладкого, крепкого и черного, как мазут.

Сама она энергично разрабатывала лучезапястный сустав, прокручивая туда-сюда на ребристом куполе ручной соковыжималки половинки апельсинов и лимонов, — готовила себе полезный сок.

Модные блогеры — они такие. Им палец в рот не клади. Им туда клади качественные натуральные фрукты...

— Наглеешь, дочь, — поморщившись, сказала я — не применительно к употреблению натуральных фруктов, конечно.

Фрукты — это похвально. Хамить родной матери — вот это предосудительно.

— То есть погуляли плохо, ночь не порадовала, — по-своему поняла сказанное Сашка.

— Поговорим лучше про день. — Я предпочла сменить тему. — Какие у тебя планы?

— Ничего особенного. Сейчас проснется Настя, мы выпьем сок — и на пробежку, потом завтрак, потом я встречу с Машей...

— С твоей Машей или с моей? — перебила я, уточняя.

Наши с дочерью лучшие подруги носят одно и то же имя, и с тех пор, как Сашка решила, что она достаточно взрослая и продвинутая, чтобы обращаться к старшим на «ты», мы их путаем.

— Со своей ты сама встретишься на работе. Кстати, разве ты не спешишь? Тебе же к девяти?

Я, конечно, поняла, что меня бесцеремонно выпроваживают, но возразить было нечего. На работу мне действительно к девяти, и — да, чтобы успеть вовремя, следовало поспешить.

Я схематически, без детализации, нарисовала на том помятом бледном блинчике, которым выглядела сегодня моя физиономия, человеческое лицо. Поколебавшись, надела светло-сиреневую блузку с декольте — немного слишком для буднего дня, но «после вчерашнего» самое то: нежный шелк, цвет которого моя блогерша называет лавандовым, освежит лицо, а вырез отвлечет от него внимание. Синяя юбка из серии «хоть в пир, хоть в мир», балетки в тон, сумка...

Вот сумка из ансамбля выбивалась.

Вообще-то она у меня вполне приличная, хотя и сшита на какой-то китайской фабрике, но производитель предназначал ее для транспортировки ноутбука, то есть стиль совсем не тот...

Ну и ладно, зато в нее прекрасно помещаются бумаги, которые я постоянно таскаю туда

и обратно, потому что не все успеваю изучить в кабинете и вынуждена брать работу на дом.

И вообще, с каких пор меня так волнует, гармоничен ли мой так называемый модный лук?

Все-таки иметь в семье популярного блогера — это обязывает. Зная, что тебя в любой момент могут щелкнуть камерой мобильного и тут же запостить в Сеть с нелicenseприятным комментарием, десять раз подумаешь, можно ли выходить на дистанцию «спальня — туалет» в любимой пижаме с линиями котятками...

— Я ушла! — крикнула я, выходя из квартиры, и успела еще услышать ворчливое:

— И заодно Настю разбудила...

Ну и разбудила, ну и ничего страшного. Пора уже — девятый час утра... Ой, я же опаздываю!

Вообще-то утро складывалось не так уж плохо.

Гроза пока только грозилась, машина завелась сразу, без уговоров и заклинаний, дорожная обстановка была нормальная, и я даже успела заскочить в любимую кофейню за порцией правильного утреннего напитка — с узором из порошка корицы на пышной молочной пенке и миндальным сиропом.

Держа в одной руке пупырчатый картонный стакан с пластмассовой крышечкой, другой я потянула на себя массивную дверь — она у нас в здании тяжелая, не каждый справится

с ней натошак. Мельком взглянула на часы на стене в холле — успела! Утвердилась в мысли, что жизнь налаживается, направилась к своему кабинету и на подступах к нему услышала:

— Выше! Еще выше!

Голос был знакомый: повышения требовал наш председатель суда Анатолий Эммануилович Плевакин.

Я резко затормозила — потревоженный кофе в стакане протестующе булькнул.

Утро, которое начинается с неожиданной встречи с начальством, добрым не бывает, проверено!

Выглянув из-за угла, я получила возможность оценить крутой изгиб оттопыренных фалд начальственного пиджака. В последнее время Анатолий Эммануилович заметно поправился, а гардеробчик не сменил, и маловатый пиджак в крутом тылу шефа образует подобие ласточкиного хвоста.

Судя по тому, как этот хвост вертелся, Плевакин, стоя на пороге кабинета, активно жестикулировал.

— По-моему, нормально, выше уже не надо, — донесся до меня голос моего помощника Димы.

О чем они вообще разговаривают? О производственных показателях? Так я согласна с Ди-

мой — у нас с ним они вполне нормальные. Я иной раз за день полдюжины дел слушаю!

Мужчины в кабинете еще немного поспорили на тему выше-ниже, и наконец Анатолий Эммануилович довольным голосом произнес:

— Вот! Теперь хорошо.

— Значит, не о показателях, — пробормотала я и решила, что мне пора появиться на сцене.

— А вот и Елена наша Владимировна, звезда экрана, любимица прессы! — обрадовался Плевакин, обернувшись на мое вежливое «Всем условно доброе утро!»

Я вопросительно посмотрела на Диму. Он произвел классический выстрел глазами: в угол — на нос — на предмет. Предметом был кондиционер, продолговатое тело которого прямо сейчас закреплял на стене рабочий в комбинезоне.

— Это нам? — не поверила я.

Прошлым летом мы с помощником спасались от адовой жары холодным кофе гляссе и вентилятором. Причем вентилятор тот Дима купил на свои собственные деньги, потому что выбить финансирование на создание комфортного климата в кабинете у Плевакина было попросту нереально. Анатолий Эммануилович — очень, очень рачительный хозяин (говоря прямо — скупой). И тут вдруг целый кондюк...

— Тимео данатос? — тихонько спросила я у помощника.

— Эт доно ферентис, — подтвердил он.

Ага, значит, недобрые предчувствия меня не обманули, кондиционер — данайский дар, в комплекте с которым точно идет какая-нибудь редкая гадость.

— Готово. — Рабочий слез со стремянки.

Дима потискал пульт.

Кондюк вкрадчиво загудел и нежно дунул прохладой.

— Ну вот! — С видимым удовольствием представляя сияющее улыбкой лицо под воздушную струю, Плевакин раскинул руки, как крылья, и сделался еще больше похож на планирующую ласточку — на редкость упитанную, надо заметить. — Теперь тебе, Елена Владимировна, не стыдно будет тут и саму королеву принять...

— А кто-то подал в суд на королеву? — заинтересовалась я, аккуратно обходя прохлаждающегося шефа. — Или это она?

— Про королеву ничего не знаю, а с делом короля балетной сцены тебе разбираться придется, это да, — ответил Плевакин, меняя ослабленный тон на деловой. — Роберт Гуреев, слышала о таком?

— И слышала, и как-то даже видела, — кивнула я, занимая свое рабочее место с видом «не

мешайте мне трудиться, я очень-очень занята». — Но он же вроде умер?

— Вот то-то и оно! — Анатолий Эммануилович многозначительно воздел указательный палец. — Он умер, а наследники его живы и очень хотят получить свои деньги.

— Или не свои, — вставил Дима, очевидно, успевший ознакомиться с ситуацией.

— Или не свои, — легко согласился с ним Плевакин, разворачиваясь, чтобы выйти из кабинета. — Вот Елена наша Владимировна этот вопрос и решит...

— Что, у нас новое громкое дело? — Я с тоской посмотрела на помощника.

Он молча кивнул и развел руками — мол, а куда деваться?

Вот говорила мне мудрая бабушка — иди, Лена, в библиотекари, хорошая работа, спокойная, тихая... Читала бы я сейчас не дела, а романы... Эх!

«Герой не моего романа, — крутилось в голове у Натки. — Герой не моего романа...»

Кажется, это была цитата, но источника его Натка не помнила.

Или просто не знала...

Какая разница? Важно, что мысль была верной, и от понимания этого Натку корежило.

Лицо, к которому почти уже вернулась прежняя красота, само собой кривилось, как будто кто-то внутри Натки маленькими цепкими ручками растягивал вкось улыбку, превращая ее в оскал.

Натке хотелось зарычать. Или заплакать.

— Мам, ты чего? Лицо болит, да? Уйди в тень, тебе же вредно на солнце!

Набежавший Сенька ухватил Натку за руку, затащил под навес над поленницей и, пробормотав что-то укоризненно-снисходительное про глупых баб, опять умчался, оставив мать в компании бездушных осиновых чурок.

— Чурбан деревянный, вот ты кто, — сказала Натка, продолжая сверлить взглядом мужика на соседнем участке.

Сегодня к Сизовым приехали гости — то ли одна из бывших учениц, то ли просто добрая знакомая с семейством, включающим сына и мужа. На мужа-то этого Натка и тарасилась, не в силах задавить в себе обиду и ревность.

Чужой муж был такой хороший, каким ни-почем не стал бы ни один из многочисленных Наткиных мужиков.

Она, может, потому и не вышла ни за кого из них! Заранее знала, что толку не будет.

Хотя, если честно, это она твердо знала про Ростовцева и Преодоляка, которые все-таки дозрели до того, чтобы позвать Натку замуж.

Остальные не звали, ну и бог с ними, не больно-то и нужно было, своего идеального мужчину Натка еще не встретила.

А вот чужого идеального наблюдала прямо сейчас.

С соседями — Татьяной Ивановной и Василием Петровичем — Натка была в прекрасных отношениях, и к ее сыну бездетные Сизовы относились как к родному внуку... А, так вот откуда у Сеньки это добродушно-ворчливое «глупые бабы», он повторяет за дедом Васей! Усваивает его покровительственную манеру общаться со слабым полом... Ну и пусть, в отсутствие родного отца дед Вася для Сеньки — превосходный образец правильного мужика. Он добрый, заботливый, хозяйственный, не жадный, детей любит...

Совсем как этот вот, огорчительно чужой муж.

Натка вздохнула, шагнула глубже в тень — лицо после повторной пластики нужно было прятать от злого солнца, — стрельнула неприязненным взглядом в гостю Сизовых (не красавица, вообще ничего особенного!) и снова усталилась на ее супруга.

Тот был фактурный — похожий на викинга: высокий, плечистый, с открытым лицом и твердым ясным взглядом, который почему-то совершенно не смущался, наталкиваясь на Натку,

всю такую соблазнительную в просвечивающем на солнце светлом льняном сарафане и легких сандаликах с трогательными перепоночками. Лицо, которое еще не стало идеальным, Натка прятала в тени полей прелестной шляпки, и в целом выглядела обворожительно и стильно. Но на чужого мужа это не действовало. Он как будто вообще никого не замечал, кроме своего собеседника по имени Тимофей Андреевич.

— Тимофей Андреевич, хочешь грушу? Смотри, какая прекрасная груша — сочная, спелая, наверняка очень сладкая! — нараспев приговаривал чужой муж, нахваливая эту самую грушу так, что на рынке к нему уже выстроилась бы целая очередь из загипнотизированных домохозяек.

Тимофей Андреевич проявлял характер и гипнозу решительно не поддавался.

— А вот мы сейчас эту славную грушу сорвем, помоем, почистим, на маленькие кусочки порежем, — распевался чужой муж.

— Висит груша, нельзя скушать, — досадливо пробормотала Натка, имея в виду вовсе не фрукт.

Чужому мужу было лет сорок, а Тимофею Андреевичу месяцев девять-десять, и собеседник из него получался очень так себе. Похоже, он знал всего три слова: «ддя», «ннё» и еще что-то вроде «фрррр», — это последнее произносилось

сквозь надутые мокрые губы, с одновременным разбрызгиванием слюней и сердитым нахмуриванием почти невидимых белесых бровок.

Крайне скудный словарный запас нисколько не мешал Тимофею Андреевичу успешно коммуницировать — любящий родитель понимал его с полуслова. Тимофей Андреевич важно дакал, нокал, фыркал, а его папенька шумно радовался плодотворному общению и внимал карапузу так почтительно, словно беседовал с нобелевским лауреатом или далай-ламой. И называл потомка исключительно по имени-отчеству или Наследником.

А маменька Тимофея Андреевича (вот честно, ни кожи, ни рожи, ни большого ума!) расслабленно попивала на веранде холодный компот с горячими пирожками. И все трещала о том, как прекрасна ее сладкая жизнь, радуя этим добросердечную Татьяну Андреевну и огорчая завистливую Натку, до которой долетали интригующие обрывки сказанного: «дом в Мюнхене», «дача в Ницце», «еще одна машина», «ищем няню»...

Мысль о том, что вот этот толстый карапуз — не просто мелочь пузатая, а целый наследник неплохого такого состояния, вызывала у Натки злую зависть и мучительное чувство вины.

Почему, почему она не озаботилась тем, чтобы у Сеньки был отец, от которого ее мальчик

мог бы унаследовать не только ум и приятную внешность?

Ненаследный принц Сенька тем временем носился по дворам — своему и соседскому, который тоже привык считать родным, таскал со стола пирожки и делил их с собакой, расстреливал из водяного ружья кротовьи норы и лежал на горизонтальной ветке старой яблони, свесив вниз одну босую ногу, как ленивый кот — лапу. И эта его загорелая поцарапанная конечность с грязной шершавой пяткой была для Натки мощным раздражителем, потому что чрезвычайно наглядно контрастировала с нежно-розовыми складчатыми ножками Тимофея Андреевича.

Переводя взгляд с одной пары детских ног на другую, Натка понимала, что это очень символично: можно было не сомневаться, что жизненный путь Тимофея Андреевича будет совсем не таким, как у Сеньки. Не кривым и ухабыстым, без грязных луж и колючек... Он, этот Тимофей Андреевич, еще и на ноги толком не встал, а любящие родители уже позаботились о том, чтобы вымостить ему дорожку пружинящими пачками бумажек с водяными знаками...

А она, Натка, до сих пор думала только о своих удовольствиях.

Но, может, еще не поздно?

Чтобы не отвлекаться на сюсюканье и воркование чужого мужа и не раздражаться пуще прежнего, Натка отвернулась от соседей с их гостями, уперлась напряженным взглядом в суковатое полено и позвонила сестре — нужно было посоветоваться.

— Слушай, полено... тьфу, послушай, Лена! — произнесла она, с трудом дождавшись вопросительного и усталого «Алло?». — Ты у нас юрист, должна знать, что нужно, чтобы получить наследство?

— Насколько я знаю, необходимо в шестимесячный срок с момента смерти родственника подать нотариусу заявление о вступлении в наследство и предоставить необходимые документы...

— То есть надо ждать смерти?

— Чьей? — Сестра заволновалась. — Натка, ты в порядке? Что с тобой, ты вообще как себя чувствуешь?

— Паршиво, — честно призналась Натка. — Но жить буду, если ты об этом. Речь не о моей смерти.

— А о чьей же?

— О смерти Сенькиного отца.

— А он умер?!

— Нет! Не знаю. Ты чем слушаешь? Я же говорю — надо ждать.

Сестра в трубке немного помолчала. Потом побулькала — видно, запила услышанное чем-то для лучшей усвояемости. Снова спросила, теперь уже осторожно:

— А ты разве знаешь, где он?

Вообще-то это был большой вопрос, который давно уже не поднимался.

Сенькиного бестолкового отца и своего непутевого мужа Натка сама давным-давно выгнала, а он и не попытался вернуться в семью, куда-то сгинул, так что у Сеньки, когда он вырос и заинтересовался этим вопросом, даже не было возможности познакомиться с родителем.

Натка придумала пропавшему папе-мужу романтическую профессию и героическую кончину — мол, был он метеорологом на полярной станции и до смерти замерз в страшный буран, до последнего снимая показания приборов, без которых разбились бы самолеты и утонули бы корабли. Мелкий доверчивый Сенька эту версию принял, а Лена поморщилась, но разоблачать вдохновенное вранье сестрицы не стала, сказав Сеньке, что это очень, очень печальная тема и лишний раз поднимать ее не стоит, чтобы не причинять душевную боль Натке. Типа, она у них такая чувствительная, что ее все это страшно мучает. И тему отсутствующего мужа-папы деликатно замяли.

Меж тем «чувствительная» Натка, по правде говоря, если от чего и страдала, так разве что от переизбытка мужского внимания. И уверенности в том, что сына она родила от того «героического метеоролога», у нее не было.

Зачатие, в результате которого на свет появился Сенька, вовсе не было непорочным, в то судьбоносное время легкомысленная Натка крутила сразу с несколькими кавалерами, и кто из них в итоге стал отцом, знать не знала. Вопрос отцовства представлялся ей непринципиальным. Кто по паспорту муж — тот и законный отец, почему нет? Все ее мужики были красивыми, здоровыми, неглупыми, то есть с наследственностью у ребенка в любом случае проблем не ожидалось. А о наследстве Натка тогда не думала.

— Еще не знаю, но это точно не Преодоляк, — подумав теперь, решила она. — Он до сих пор работает простым менеджером и зарабатывает копейки, я недавно видела его в метро.

— При чем тут метро? — озадачилась сестра.

Вроде умная, а каких-то очевидных вещей не понимает.

— Потому что для того, чтобы стать наследником, в первую очередь нужно наследство, — ответила Натка, мысленно фильтруя свои старые контакты.

Решено, она позаботится о финансовом благополучии сына.

Еще не поздно.

Еще ведь никто не умер...

«Да умер он, умер! — билось в голове и рвалось с языка у Говорова. — Все, никогда уже не придет!»

Слова были горькие, их хотелось выплюнуть и тут же прополоскать рот водой, но в рюмке была водка, а от нее противный вкус непроизнесенных слов становился еще резче и гаже. Поэтому Никита стискивал зубы и ничего не говорил, только гладил бабку по морщинистой сухой руке, до слез похожей на желтую куриную лапку.

Бабку он не узнал.

Он помнил ее одышливой, толстой, в пестром ситцевом халате, яркие пластмассовые пуговицы которого не выдерживали напора пышной плоти и то и дело с треском отстреливались. Тогда бабка смешно ахала и беззвучно хохотала, тряся подбородками и боками — рискуя лишиться еще пуговицы-другой и веселя маленького Никиту, который со смехом бежал за дезертировавшей пуговкой и догонял ее где-нибудь в углу или нашаривал в траве...

У той бабки были толстые белые руки в младенческих перетяжках и бесчисленных веснуш-